

© Э.Е. АБДРАШИТОВ

b-el@rambler.ru

УДК 94(4)«1914/19»

**ЖЕНЩИНЫ И ВОЕННОПЛЕННЫЕ: ПРОБЛЕМА ДИСКУРСА
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
И ЭГО-ДОКУМЕНТОВ)**

АННОТАЦИЯ. В данной статье проанализированы отношения австрийских и немецких военнопленных на территории Казанской губернии с женщинами и местным населением. Основное внимание уделялось как характеристике самих взаимоотношений, так и общественно-политическому восприятию данных отношений (общественному дискурсу). Исследование базировалось на источниках личного происхождения (письма и мемуары), материалах периодической печати, архивных документах.

SUMMARY. The relations of the Austrian and German prisoners of war on the territory of the Kazan province with women and local population are analyzed in the article. Special attention was paid to the characteristics of mutual relations, and political perception of the given relations (a public discourse). The research was based on sources of personal origin (letters and memoirs), materials of periodicals, and archival documents.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Первая мировая война, военнопленные, интернированные, Поволжье, общественное восприятие пленных.

KEY WORDS. First World War, prisoners of war, the Volga region, social attitude to the prisoners.

Первая мировая война для своего времени была нетипичная. Специфику этой войне придавал мировой размах, трансформирующий ее стратегическую, тактическую и материально-техническую составляющую. При этом даже современники не сразу осознали ее как войну мировую.

В плену оказались люди самого разного происхождения и судеб. В странах Тройственного союза находилось более 2 млн. российских военнообязанных [1; 131]. В российском плену находилось 2,2-2,3 млн. чел. [2; 630]. В августе 1914 г. в России находилось свыше 100. 000 австрийских военнопленных [3; 2]. Ни одна из воюющих держав не была готова к приему пленных в таком объеме. Условно пленных можно поделить на *военнопленных* (комбатантов) и *интернированных* (лиц, не участвовавших в боевых действиях).

Часть пленных находилась в России более 3-х лет и, естественно, вступала в различные отношения с россиянками. Нами рассмотрены взаимоотношения военнопленных и военнообязанных стран Тройственного союза в России и женщин, через призму восприятия обывателями.

Сообщество военнопленных изначально не было однородным. Его составляли представители различных народов и национальностей, разного возраста, языковой специфики, обычаев и традиций. Это предопределило разнообразное отношение к ним со стороны общественности. Кроме того, военнопленные, принадлежащие к одной этно-лингвистической группе или землячеству, отличались по социальному статусу и положению в армии (офицер-рядовой), состоянию здоровья (врач-больной или раненый). Поэтому дискурс распадался на ряд сегментов.

Условно плен можно разделить на 3 жизненных ситуации [4]:

- попадание в плен и транспортировка;
- нахождение в лагере;
- участие в работах.

Попадание в плен связано с шоком и его преодолением: удачное избежание смерти, с одной стороны, оставляло неизгладимый отпечаток на психике пленных. С другой — жизнь военнопленного зависела от лица, взявшего его в плен, или конвоира. Многокилометровые переходы, переезды, муки голода и страх концентрировали военнопленного на выживании.

Женщины фигурировали только в роли медицинского персонала — образ медсестер. Их не воспринимали как сексуальный объект. Встречается описание сердобольных женщин, которые во время временных стоянок подкармливали пленных. Военнопленные стран Тройственного союза тепло отзывались о них, сравнивая с сестрами или матерями. Эта же тенденция прослеживается и в мемуарах.

В 1914 г. пресса отмечала теплое отношение обывателей к пленным, подкармливания их по пути следования; описаны даже случаи вручения цветов. Органы власти указывали на неприемлемость данной практики но серьезных мер не принимали. Общественно-политический дискурс концентрировался на том, что наши женщины — «сердобольные», «добрые», с «большим русским любящим сердцем», а пленные — «бедненькие» страдальцы.

Общественное мнение обыденно воспринимало ситуации благодарности за спасенные жизни в адрес медицинского персонала, вне зависимости от половой принадлежности. В культурной практике этого времени представители медицинской профессии воспринимались усредненно. Профессия врача не имела ярко выраженной гендерной окраски. Помогать больным и раненым — это долг врача, к которому половая принадлежность носителя не имела никакого отношения. Например, общество воспринимало в качестве героического поступка вынос раненных воинов с поля боя (во время сражения) как медсестрой, так и медбратом.

Иное отношение к женщинам мы видим со стороны офицерского корпуса. Во-первых, офицер считался «ценным трофеем». Если был выбор между возможностью взять офицера в плен или уничтожить, российские военнослужащие предпочитали оставлять офицеров в живых. Во-вторых, отношение к ним и режим содержания был, несомненно, более мягким. К примеру, практиковалось оставление офицерам холодного оружия (кортик, сабля) — отголосок рыцарских традиций. У пленных австрийских офицеров (гарнизон Перемышля) холодное оружие было отобрано только через несколько дней после прибытия в Казань

и Астрахань [5]. Это позволяло переживать попадание в плен не на категориях бытийных (жизнь — смерть), а моральных (хорошо — плохо).

Поэтому многие из них позволяли себе различные вольности. Например, один из пленных немцев говорил, попав в плен: «...что ж будем ухаживать за русскими девушками и дамами» [6]. Подобные высказывания можно встретить на страницах периодической печати весьма часто. Делалось это сознательно. С одной стороны, авторы подобных статей демонстрировали отсутствие витальных проблем у пленных офицеров, создавая у читателей иллюзию благополучия военнопленных. С другой стороны, публикации били по глубинным эмоциям россиян. Утилитарное восприятие женщины, овеществление ее, негативно воспринималось общественным мнением. Подобные высказывания вражеских офицеров были глубоко оскорбительными для российского читателя, и вызывали бурю негативных эмоций.

С конца 1914—начала 1915 г. на страницах периодической печати встречается ряд статей, посвященных контактам пленных с женщинами. Раскрывая тему взаимоотношений женщин и пленных, публицисты военного времени использовали концепты любви. Зная, как больно бьет по русской душе тема бесчестия женщин, в газетах были неоднократно опубликованы письма солдат с фронта, возмущенные отклики обывателей, повествующие о наличии интимных связей между пленными и русскими женщинами [7], [8], [9]. Сознывая, что тема достаточно скользкая, в силу ее приземленности (колоссальная убыль мужского населения в ходе войны), авторы намеренно публиковали подобные статьи.

Для усиления эффекта параллельно публиковались статьи, описывающие отношения пленных к русским женщинам, с позиции того, что для них — это легкое увлечение, связанное с неизбежным пребыванием некоторого времени внутри России. Характеризуя взаимоотношения немецких офицеров и женщин, основным концептом было «оскорбление» с различными его вариациями [10].

Характеризуя подобные эпизоды с участием австрийских офицеров, мы сталкиваемся с другим терминологическим рядом: «бесстыжий», «наглый», «беззастенчивый». То есть поведение этих лиц подавалось как аморальное, вызывающее осуждение, но не оскорбительное. Отличие в дискурсе связано с тем, что австрийская нация в сознании россиян не была единым образованием. В ней можно выделить несколько слоев: австрийцы славянского происхождения, собственно австрийцы и мадьяры. Если первые считались нашими союзниками, братьями, волей судеб и под угрозой применения силы выступившими против нас, то другие определялись как заклятые враги русских. Именно такое позиционирование и отразилось на страницах газет.

Факт того, что враг России посмел выказать сугубо утилитарный интерес к российской женщине, подавался как оскорбление всего российского общества. Согласно исследованию Л.Е. Вильмса, русский культурный социум осуждает легкомыслие, безответственность и нескромность [11; 20-21].

Цель подобных статей — поддержание ненависти к подданным вражеских стран — достигнута была частично. Территория Поволжья находилась в отдалении от театра боевых действий. С войной население контактировало через общение с беженцами, пленными, ранеными. Поступление тел погибших, ко-

нечно, формировало негативный фон, но это был фон печали, траура, усталости, но никак не ненависти или озлобленности. По мнению ряда корреспондентов, войны в Поволжье не чувствовалось. Автор недоумевал, «где война, когда на вокзалах толпа, поезда переполнены не военными, газеты извещают о спектаклях...» [12].

С начала военных действий отношение к австрийцам у обывателей было скорее дружеским. Пленные австрийские офицеры в общественно-политическом дискурсе воспринимались как «гости». Режим содержания пленных определялся по прибытии в лагерь и выяснению всех обстоятельств. Причем и отношение власти было показательно дружественным по отношению к пленным славянам. Пленные славяне имели право жить в любом месте Империи, находились под надзором полиции, а не военных властей [13]. Когда в 1916 г. пленным было запрещено покупать мясо и мясные изделия, запрет этот обошел пленных славян [14; 275].

Следует отметить, что пленные немецкие и австрийские военнообязанные не испытывали на себе шока попадания в плен. Их жизненный опыт не был связан с переживаниями по поводу возможной смерти; в их воспоминаниях фигурируют унижения, страх, ущемление чести и достоинства.

Большая часть пленных находилась в России с семьей, поэтому переживали попадание в плен, с одной стороны, острее, с другой стороны — менее болезненно. В общественном сознании они не фигурировали как враги. К ним применялись нейтрально окрашенные термины: «противник», «пленный военнообязанный враждебной державы».

После водворения пленных в лагерь опасность смерти отступает и освобождает место естественным потребностям человека, в том числе духовного порядка. Восприятие женщины в плену весьма своеобразное. Эпистолярное наследие пленных позволяет понять, что женщина воспринимается не как целостное образование. Она не существовала как комплекс различных атрибутов (мать, жена, любовница, друг и т.д.) в одном. Ее восприятие распадалось на комплекс ролевых (обособленных) образов [15].

Так, во многом образ жены идеализировался; она становилась символом свободы. В письмах пленные старались обращаться к супруге утонченно, почти с мистическими нотками. Как правило, письма немецких пленных начинались с какого-либо ласкового эпитета; письма австрийцев — с имени.

Пленные имели общение с проститутками. Несомненно, что это социальное явление постыдно и воспринималось обывателем негативно; но обращение пленных к коммерческим услугам интимного характера воспринимались резко отрицательно.

Часть пленных офицеров под честное слово жили в городе. Их свидания с представительницами прекрасного пола имели регулярный характер; не были исключениями и обращения к представительницам древнейшей профессии. Это отразилось в прессе с легким оттенком злобы: в то время, когда наши герои воюют на фронте, эти франты и просто бесстыжие люди славно живут.

Проститутки были доступны наиболее обеспеченной части пленных. Данные люди жили в лагере в привилегированных условиях, встреча с женщинами «легкого поведения» воспринималась как свидание со свободой. Заметна идеа-

лизация женщины, повышенное внимание к ее положительным сторонам и полное отсутствие внимания к ее личности и характеру.

Многие пленные (нижние чины) были направлены на сельские работы и находились на них круглый год. Большая часть пленнх жила вместе с сельскими хозяевами (нанимателями), ели за одним столом. За это время крестьяне весьма хорошо узнали пленнх; те также приспособлялись — изучали язык, местные обычаи. Уже в 1916 г. можно констатировать наличие взаимодействия крестьян с пленными: хозяева часто нарушали правила содержания пленнх, — те молчали. Крестьяне закрывали глаза на «мелкие шалости» пленнх. Многие пленные сожительствовали с русскоподданными дамами.

Тема женщин и пленнх часто появлялась на страницах газет. Многие обыватели протестовали против слишком снисходительного отношения властей к подобным отношениям. Часть предлагала привлекать к ответственности женщин; иные предлагали усилить меры воздействия в отношении пленнх. На практике применялись все варианты [6]. Так, после «торжественной» встречи «героев Перемышля» прессу захлестнула волна статей возмущенных казанцев. В ответ Главноначальствующий Казанской губернии П.М. Боярский обратился к Главному начальнику казанского военного округа П.А. Гейсману с ходатайством об отправлении из Казани военнопленнх офицеров, поведение которых вызывало неудовольствие обывателей. В итоге 200 офицеров с их денщиками были отправлены из Казани в с. Тетюши.

Меры начали принимать после того, как возмущение стало иметь *массовый характер*, но были высланы *только те* офицеры, которые вызывали неудовольствие, остальные остались. *Высылка офицеров с денщиками* напоминала не ссылку, а скорее убиение с глаз.

Пресса, ориентированная не только на обывателя, но и на воинов российской армии (в том числе и на раненых), активно использовала концепты телесности и духовности. Так, наши воины характеризовались терминами «серенькие», «скромненькие», «солдатики». Особое внимание уделялось не признакам телесности, но величию духа — способности стойко переносить боль и невзгоды. Русский солдат — это символ несгибаемой воли и святого начала. Под статью ему должна быть и женщина — «солдатка» — близкая духовно, но не испытывающая плотских желаний.

Враги же характеризовались исключительно терминами телесности «франт», «фигляр», «позер», «богатые перемышляне», «победители девиц». Авторы обращали исключительное внимание на то, что ходят пленные офицеры одетые как на парад, чистые, выглаженные, гладко выбритые, поблескивая моноклем и глядя на публику свысока.

Основную вину за появление романов с пленными региональная поволжская печать возлагала на женщин. Их поведение характеризовалось через слова «вакханалии», «разврат», «грязные», «бесстыдницы» [16]. Поэтому на них обрушивался шквал критики. Им пеняли подрыв поддерживаемого в прессе концепта противопоставления российской духовности и их телесности. Русская женщина просто не могла думать о плотских утехах. Но жизнь демонстрировала обратное.

К женщинам внутри лагеря — медицинскому персоналу — отношение было стабильным. Их военнопленные воспринимали как сестер по несчастью, но не как женщину. Функция врача перекрывала в них женщину.

Пленные военнообязанные, подданные Австрии и Германии находились в несколько ином положении. Именно на долю военнообязанных, особенно славянского происхождения, и приходится большинство романов с дамами, получивших широкую огласку. По просьбе военных властей с середины 1915 г. Главный начальник Казанской губернии неоднократно напоминал, что военнообязанные военнопленными не являются; они находятся под надзором гражданских властей и применять к ним меры дисциплинарного воздействия через военные власти нельзя.

Интернированные лица, весьма активно и зачастую с помощью гражданских властей интегрируемые в народное хозяйство места пребывания, пользовались полной свободой (естественно, внутри территории интернирования) и позволяли себе все виды общения с русскими дамами. Полиция заботилась о том, чтобы пленные, знающие ремесло, получили работу [17]. В периодике можно обнаружить статьи, посвященные неправомерному поведению австрийских и немецких подданных [18]. Например, 13 февраля 1915 г. германские военно-обязанные Мстислав Фишер и Станислав Грошанский в 22.00 гуляли по городу и делали непристойные предложения празднующим дамам. Возмущенные горожане вынуждены были обратиться за помощью к городовому. Когда тот приказал прекратить безобразие, то ему было заявлено, что они вольны делать что угодно. Был составлен протокол [19]. Бросается в глаза то, что акцент в статье делается не на то, что данные лица приставали к дамам, а на то, что они не подчинились городовому. В этом и заключалось безобразие.

При этом отношения пленных славян с дамами комментировались в газетах очень редко. Общество воспринимало их в качестве своих, и не отказывало им в возможности жить полной жизнью.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, можно сделать выводы:

1. Женщины, исполняющие функции врачей, в российском общественно-политическом дискурсе воспринимались с позиции гендерной нейтральности; пленные в эпистолярном наследии выказывали к ним отношение как к специалистам в течение всего периода плена.

2. Мусульманская периодическая печать не концентрировала внимание на подобных случаях; писем с изобличением беспардонности дам от братьев-мусульман ни с фронта, ни с «тыла» не поступало. Это связано с тем, что пленные не имели интимных контактов с мусульманскими дамами, в силу религиозных, языковых и традиционных особенностей казанской диаспоры.

3. Половая привлекательность российских женщин воспринималась военнопленными гипертрофированно.

Отношения с российскими дамами носили систематический характер, хотя и нельзя его признать регулярным. Администрация весьма жестко реагировала на проявления недовольства со стороны обывателей, предпринимая шаги, снимающие напряжение в обществе. Однако временные ограничения в скором времени переставали исполняться.

Восприятие отношений пленных с женщинами культурным сообществом было неоднородным и претерпевало трансформацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ:

1. Крючков И.В. Проблема оказания помощи российским военнопленным на Ставрополье в годы Первой мировой войны // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. III. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. С.121-137.
2. Мировые войны XX в. кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. 820 с.
3. О жизни пленных // Казанский телеграф 16 декабря 1914 г. № 6461
4. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е.В. Эйсмана. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
5. В Перемышле после сдачи // Казанский телеграф 19 марта 1915 г. № 6534
6. Из приказов г-на полицмейстера г. Казани // Казанский телеграф от 24 апреля 1915 г. № 6561.
7. Маленькая хроника // Казанская газета 15 ноября 1915 г.
8. Изолируйте пленных // Казанский телеграф 17 января 1915 г. № 6484
9. О бесстыдных действиях казанских девиц и дам // Казанский телеграф 31 марта 1915 г.
10. Пленные немцы // Казанский телеграф 6 декабря 1914 № 6454
11. Вильмс Л.Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь» (на материале немецкого и русского языков): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 37 с.
12. К землякам с подарками // Волжский день 13 января 1915 г. № 9.
13. О содержании военнопленных // Казанский телеграф 22 февраля 1915 г. № 6513
14. Национальный архив республики Татарстан (НА РТ) ф. 1154 Отчеты военного цензора г. Казани оп. 1. д. 238. 322 л.
15. Отдел редких рукописей и книг научной библиотеки им. Лобачевского при Казанском государственном университете (далее — ОРРК) Ф.2530 Письма австрийских и сербских солдат за 1915-1916 гг. 300л.
16. Овчинников Н. Опомнитесь // Казанский телеграф от 31 марта 1915г.
17. ОРРК Ф. 857 Письма участников империалистической войны за 1914-1917 г.г. 2214 л.
18. Безобразия // Казанский телеграф 13 февраля 1915 г. № 6505
19. Пьяные военнообязанные // Казанский телеграф от 16 июня 1915 г.